

Мой потерянный рай

АННА ДЕЛМАН

Анна Делман

Мой потерянный рай

«Автор»

2026

Делман А.

Мой потерянный рай / А. Делман — «Автор», 2026

Пять лет назад Анна потеряла всё: любимого Марка, их нерождённого ребёнка и веру в будущее. Трагическая авиакатастрофа унесла его жизнь, а могущественная семья вычеркнула её из его судьбы. Она выжила, но сердце осталось в руинах. Случайная встреча на выставке переворачивает мир: в толпе Анна видит Марка — живого, но с чужим именем и ледяным взглядом. Он её не помнит. Теперь он Максим Воронов, успешный архитектор, которому внушили чужую жизнь. За его исчезновением стоит заговор, замешанный на деньгах, власти и предательстве самых близких. Анна начинает опасную игру, чтобы вернуть любимому память и разоблачить врагов. Ей предстоит пройти через боль прошлого, столкнуться с безжалостным братом Марка и раскрыть тайну, которая способна разрушить бизнес-империю. Но главное сражение — за их любовь, которая оказывается сильнее забвения, лжи и самой смерти. Это история о том, что потерянный рай можно обрести вновь, если верить, помнить и любить вопреки всему.

© Делман А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Призрак на вернисаже	5
Глава 2. Остров вечного лета	9
Глава 3. Пепел рая	12
Глава 4. Танец с двойником	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Анна Делман

Мой потерянный рай

Глава 1. Призрак на вернисаже

Октябрьский вечер окутал центр Москвы влажной, зябкой темнотой, но в просторном зале галереи «Палладиум» было тепло и ослепительно светло. Мягкий свет софитов скользил по белым стенам, выхватывая из полумрака акварельные и пастельные пейзажи — бескрайние океанские закаты, буйство тропической зелени, уединённые бунгало на берегу, спрятанные от посторонних глаз. Выставка называлась «Осколки рая», и для Анны, стоявшей сейчас у огромного панорамного окна с бокалом так и не пригубленного шампанского, эти полотна были не просто картинами. Это были обрывки её собственной души, выплеснутые на бумагу за пять долгих лет глухой, беспросветной тоски.

— Анечка, ты сегодня просто светишься! Пресса в восторге, а я уже получила два запроса от частных коллекционеров из Лондона. — Лера, хозяйка галереи и по совместительству её самая преданная подруга, возникла рядом и ободряюще сжала её локоть. — Ты заслужила этот успех. Ну же, расслабься, хотя бы притворись, что тебе приятно.

Анна через силу улыбнулась и сделала глоток. Шампанское показалось ей горьким, как микстура. Она действительно была благодарна Лере за то, что та буквально вытащила её из творческого небытия, уговорив показать миру работы, которые Анна писала исключительно «в стол», чтобы не сойти с ума. Но находиться сейчас здесь, в эпицентре шума и светских разговоров, было почти физически больно. Каждый мазок на холсте дышал воспоминаниями, каждое полотно кричало именем, которое она запретила себе произносить вслух.

Пять лет. Целая вечность, а она до сих пор помнила запах его кожи, солёной от океанских брызг, и низкий, вибрирующий смех, от которого по позвоночнику пробегала горячая волна. Марк. Её Марк, погибший в авиакатастрофе где-то над Индийским океаном, разбившийся вместе с её сердцем и всеми надеждами на счастье.

Она боялась этой выставки. Боялась, что кто-то из гостей начнёт задавать вопросы, вскрывая едва затянувшиеся раны. «Откуда такое пронзительное ощущение потери?», «Кто была ваша муза?», «Почему рай всегда такой пустой?». Она заготовила дежурные, уклончивые ответы о метафизическом поиске гармонии, но каждый раз, когда кто-то останавливался перед картиной «Эдем» — центральным полотном экспозиции, на котором был изображён пустынный пляж в час заката, залитый кроваво-красным светом, — Анна чувствовала, как земля уходит из-под ног.

Именно на этом пляже, на далёком Бали, шесть лет назад она была абсолютно, беспредельно счастлива. Там, под раскидистой пальмой, в крошечном бунгало без стен, где спальней служил навес, увитый бугенвиллеей, Марк на рассвете шептал ей: «Это наш личный Эдем, Анна. Отсюда нас никто не изгонит».

Анна тряхнула головой, прогоняя наваждение, и отвернулась к окну, за которым перемигивались огни вечерней Москвы. Она поправила тонкий шёлковый шарф, скрывавший маленький кулон — старинный золотой медальон с крошечной фотографией Марка внутри. Она никогда не снимала его, как и тонкое серебряное кольцо, которое они когда-то купили за гроши на уличном рынке Убуда, дав друг другу негласные клятвы. В официальных новостях потом напишут, что пассажир Марк Ветров, наследник строительной империи, летел один. А то, что было между ними, осталось лишь в её памяти, в этих картинах и в выжженной горем душе.

— Дамы и господа, позвольте представить вам одного из наших почётных гостей! — звучный голос Леры, усиленный микрофоном, разнёсся по залу. — Максим Воронов, восхо-

дыщая звезда современной архитектуры, автор проекта нового арт-кластера на Якиманке! Я надеюсь, наша выставка вдохновит вас на новые шедевры, Максим!

Анна рассеянно обернулась, просто из вежливости, машинально скользнув взглядом по группе людей, окруживших Леру. Она хотела было снова отвернуться к спасительной темноте за окном, но что-то — какой-то неуловимый сигнал на грани подсознания — заставило её замереть.

В центре круга, чуть склонив голову и слушая Леру с лёгкой, чуть надменной полуулыбкой, стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в безупречно сидящем тёмно-сером костюме. Свет хрустальных люстр падал на его лицо, вычерчивая до боли знакомый профиль: высокий лоб, прямая линия носа, волевой, но при этом удивительно чувственный изгиб губ. Чуть волнистые тёмные волосы, которые когда-то она так любила перебирать пальцами, были зачёсаны назад, но одна непослушная прядь, как и прежде, падала на лоб.

Бокал выскользнул из ослабевших пальцев Анны и с глухим стуком упал на ковровое покрытие, разбрызгивая шампанское по подолу её платья. Звук потонул в гуле голосов, и никто не обернулся. Анна не могла дышать. Кровь, казалось, остановилась в жилах, а потом бросилась к лицу с такой силой, что в глазах потемнело.

Это был он. Марк.

Она вцепилась в край подоконника, чтобы не рухнуть. Разум отказывался принимать увиденное, кричал о совпадении, о галлюцинации, рождённой измученной психикой. Но тело знало лучше. Тело помнило каждый изгиб этой фигуры, каждый жест. То, как он сейчас, слушая собеседника, чуть наклонил голову вправо, прищурив свои серые, цвета грозового неба, глаза. То, как его пальцы, держащие бокал, слегка постукивали по стеклу — привычка, которая когда-то сводила её с ума в самые интимные моменты, выдавая скрытое нетерпение.

Она сделала шаг вперёд, затем другой, как сомнамбула, не чувствуя ног. Люди расступались перед ней, оглядываясь с любопытством — её бледное, искажённое лицо явно контрастировало с праздничной атмосферой. Анна прошла сквозь толпу, не замечая никого, пока не оказалась в нескольких метрах от мужчины, которого Лера только что назвала Максимом Вороновым.

Тот, видимо, почувствовав на себе пристальный, прожигающий насквозь взгляд, обернулся. Их глаза встретились.

И в этот момент мир Анны рухнул окончательно.

В этих серых глазах не было ни тени узнавания. Лишь лёгкое, вежливое удивление, смешанное с мимолётной досадой — так смотрят на человека, который случайно нарушил личное пространство. Ни боли, ни радости, ни страха. Ничего.

— Простите? — спросил он, и его голос, этот неповторимый, низкий, с лёгкой хрипотцой баритон, прозвучал так знакомо, что у Анны перехватило горло. — Мы знакомы? Вы, кажется, что-то хотели?

Анна открыла рот, но не смогла выдать ни звука. Она стояла, словно парализованная, вглядываясь в его лицо, выискивая хоть малейший признак притворства. Ни одной морщинки, которой не было раньше, ни одного нового шрама. Только взгляд стал жёстче, холоднее, словно кто-то выстудил тепло из этих глаз, оставив лишь отполированный мрамор.

— Марк... — прошептала она наконец, и собственный голос показался ей чужим, сиплым, полным отчаяния. — Марк... это же ты. Этого не может быть... но это ты.

Мужчина нахмурился. В его глазах мелькнуло раздражение. Он обвёл взглядом её лицо, шарф, сбившееся дыхание, и губы его тронула прохладная, отстранённая улыбка.

— Боюсь, вы ошиблись, — произнёс он чётко, почти по слогам. — Меня зовут Максим. Максим Воронов. Я не знаю никакого Марка. Вам, вероятно, стало дурно — здесь довольно душно. Позвать кого-нибудь?

— Нет... — Анна судорожно выбросила руку вперёд, почти схватив его за лацкан пиджака. Он ловко, едва заметным движением, уклонился, и в этом жесте было столько брезгливости, что её пальцы замерли в воздухе. — Родинка... у тебя за правым ухом... и шрам на запястье, от рифа, когда ты сорвался на серфе... Я знаю, знаю, что это ты!

Окружающие начали оглядываться. Шёпот, любопытные взгляды. Лера, заметив сцену, побледнела и поспешила к ним, но Анна ничего не замечала. Она видела только, как в глазах мужчины, стоящего перед ней, раздражение сменяется ледяным, уничтожающим спокойствием.

— Сударыня, — проговорил он тоном, каким разговаривают с буйными пациентами или назойливыми папарацци, — я не знаю, что за драму вы тут разыгрываете, но настоятельно рекомендую вам взять себя в руки. Никакой родинки у меня нет, шрамов тем более. И вам, думаю, стоит меньше пить на светских мероприятиях.

Он развернулся к Лере, которая уже подхватила Анну под руку, и добавил, чуть понизив голос, но достаточно громко, чтобы услышали стоящие рядом:

— Посоветуйте вашей художнице обратиться к специалисту. Похоже, творческие натуры слишком впечатлительны.

И ушёл. Просто развернулся и медленно, грациозной походкой хищника, двинулся в другой конец зала, тут же втянутый в светскую беседу каким-то важным гостем.

Лера почти силой оттащила Анну в служебную комнату, усадила на стул, сунула в руки стакан воды. Анна пила, стуча зубами о край стекла, и не могла остановить крупную дрожь. Она не плакала — глаза были сухими и воспалёнными, как у человека, который за одну минуту пережил крушение всех надежд во второй раз.

— Анечка, девочка моя, — Лера гладила её по голове, — что случилось? Ты увидела призрака? Я тебя такой не видела никогда... Ты так смотрела на Воронова, будто он тебя зарезал. Ты его знаешь?

— Это он, — глухо сказала Анна, глядя в одну точку. — Я не сумасшедшая, Лер. Это Марк. Мой Марк. Которого похоронили пять лет назад. Клянусь тебе, это он. Я не могла ошибиться. Такие вещи не забываются.

Лера ошеломлённо молчала. Она знала историю Анны. Помнила, как пять лет назад та вернулась в Москву — прозрачная, почерневшая, с пустым животом и такими же пустыми глазами. Помнила, как собирали по частям её душу, как убирали из квартиры острые предметы в первые, самые страшные месяцы.

— Но он... он тебя не узнал, — осторожно проговорила Лера. — Я стояла рядом. В его глазах был ноль. Абсолютный ноль, Ань. Так не играют. Он либо святой, либо...

— Либо тот, кого заставили забыть, — Анна медленно поднялась на ноги. Внутри неё, сквозь толщу шока и отчаяния, прорастало что-то новое, холодное и решительное. — Ты не понимаешь, Лера. У него родинка за правым ухом. Я не разглядела сейчас — волосы были длиннее, скрывали... Но я видела каждый жест, каждую привычку. А голос... Если закрыть глаза, я бы поклялась, что это Марк говорит со мной в нашем бунгало.

Она решительно взяла свой клатч.

— Вызови мне такси. Я не могу здесь больше оставаться. И сделай одолжение, забудь на время, что я твоя подруга. Сейчас для меня это вопрос жизни и смерти.

Дома, в маленькой квартирке на Патриарших, заставленной холстами и пропахшей скипидаром, Анна не включала свет. Она прошла в спальню, рухнула на колени перед старым комодом и выдвинула нижний ящик — тот самый, который не открывала уже несколько лет. Там, под стопкой выцветших саронгов и полусгнивших ракушек, хранилась единственная вещь, оставшаяся от той, прошлой жизни: деревянная шкатулка с балийской резьбой.

Она достала её, села прямо на пол, поджав ноги, и дрожащими пальцами откинула крышку. Внутри лежали плёночные фотографии, сделанные на дешёвую «мыльницу», которую

они купили в киоске на Куте. Снимки выцвели, пошли розовыми пятнами, но изображение ещё можно было разобрать.

Марк и Анна на пляже Джимбаран. Марк целует её в висок, а она смеётся, запрокинув голову к палящему солнцу. Марк с кокосом в руках, строит дурацкую рожицу. Марк, спящий в гамаке, — она сняла его украдкой, и на этом кадре было особенно хорошо видно его правое ухо.

Она поднесла снимок к самому лицу, вглядываясь в мелкую деталь, которую знала наизусть. Да. Чуть выше мочки, в тени завитка — крошечная, тёмная, чуть выпуклая родинка. Когда-то она целовала её, шепча, что это метка, по которой она всегда найдёт его в любой толпе.

У того, кто назвался Максимом Вороновым, волосы закрывали это место. Но если хотя бы на секунду предположить, что под ними — та самая родинка?..

Анна отложила фото и взяла другое. Марк на серфе, рука вытянута вперёд, на запястье — неровный белый шрам длиной в несколько сантиметров, память о коралловом рифе, который распорол ему кожу в первый же день их знакомства. Тогда Анна, будущая художница, а тогда просто перепуганная девчонка, собственноручно промывала ему рану перекисью и заклеивала пластырем. Шрам зажил уродливой, выпуклой полосой, и Марк потом шутил, что это его «первая боевая награда за любовь с первого взгляда».

Сегодня на запястье Воронова были запонки, а манжеты сорочки плотно облегли кожу. Она не видела. Ничего не видела.

Что, если она действительно сходит с ума? Что, если её измученный мозг, пять лет живший фантомами прошлого, сыграл с ней злую шутку, подсунув случайного двойника? Но Лера тоже его видела. Лера не знала Марка так близко, но всё же спутать человека с другим, когда речь идёт о мельчайших привычках, походке, голосе — это уже за гранью простого сходства.

Анна перевернула последнюю фотографию, на обороте которой когда-то торопливым почерком нацарапала их имена и дату: «Анна & Марк. Бали. Наш Эдем. 26 июля». Она помнила этот день. Они тогда вернулись с пляжа, и Марк сказал: «Обещай мне, что бы ни случилось, ты будешь верить в нас. Настоящий рай нельзя потерять, если мы сами его не предадим».

Она обещала.

И сейчас, сжимая в руке старый снимок, Анна поняла, что не успокоится, пока не узнает правду. Даже если для этого придётся вломиться в жизнь незнакомого архитектора, разворошить прошлое, которое грозило погresti её под собой, и встретиться лицом к лицу с теми, кто когда-то объявил её любовь вне закона.

Она достала ноутбук, открыла поисковик и вбила: «Максим Воронов архитектор биография». Экран засветился десятками ссылок. Анна вгляделась в парадное фото на сайте бюро. Те же глаза. Тот же изгиб губ. Чужое имя.

— Кто же ты, Максим Воронов? — прошептала она в пустоту. — И что ты сделал с моим Марком?

За окном занимался серый, промозглый рассвет. Анна не спала ни минуты, но чувствовала прилив сил, какого не испытывала годами. Впервые за пять лет у неё появилась цель. И родинка за правым ухом была тем ключом, который откроет дверь либо в безумие, либо в воскрешение её потерянного рая.

Глава 2. Остров вечного лета

Шесть лет назад мир ещё не знал ни боли, ни пепла. Он состоял из слепящей синевы океана, густого, пряного аромата франжипани и ощущения бесконечной, как линия горизонта, свободы. Анна прилетела на Бали одна, сжимая в руках билет в один конец и потрёпанный этюдник, доставшийся ей от бабушки. Ей было двадцать два, и в Москве её не держало ничего, кроме серого неба, разочарований в академической живописи и ощущения собственной глубокой, никому не нужной пустоты.

Она поселилась не на шумной Куте и не в модном Чангу, а в крошечной деревушке на восточном побережье, куда не возили туристов и где единственной музыкой по ночам был шёпот прибоя да стрекот цикад. Её бунгало — плетёная хижина на сваях, увитая бугенвиллеей — стояло прямо на обрыве. Просыпаясь, она первым делом видела не стену, а бескрайнюю гладь океана, и впервые за долгое время ей казалось, что она дышит полной грудью.

День за днём она просиживала на пляже с этюдником, пытаясь ухватить акварелью неуловимую бирюзу воды у рифа. Но каждый раз краски ложились плоско, не передавая и сотой доли того света, который она видела. Анна злилась, рвала листы, а потом просто бросала кисть и шла плавать, позволяя волнам смыть разочарование.

В тот день океан штормило. Сезон дождей ещё не начался, но ветер гнал к берегу тяжёлые, пенные валы, и местные рыбаки вытащили лодки подальше на песок. Анна сидела под пальмой, наблюдая за стихией, когда заметила одинокого сёрфера.

Он не просто скользил по волне — он танцевал с ней, играл, будто океан был его давним и покорным другом. Высокая, мускулистая фигура в чёрном гидрокостюме, мокрые тёмные волосы, развевающиеся на ветру, и какая-то невероятная, кошачья грация. Анна замерла с кистью в руке, забыв о холсте. Она никогда не видела, чтобы человек был так идеально вписан в стихию.

Сёрфер поймал особенно мощную волну, взлетел на гребень и вдруг — она ахнуть не успела — рухнул вниз, скрывшись в кипящей белой пене. Доска взметнулась в воздух и шлёпнулась на воду в нескольких метрах от него.

Анна вскочила на ноги, сердце бешено заколотилось. Она вглядывалась в волны, пытаясь разглядеть голову пловца. Секунда, другая, третья. Никого.

Не раздумывая, она бросилась к воде, но тут в десяти метрах от берега из пены вынырнула голова, и мужчина, отплёвываясь и мотая головой, поплыл к берегу. Через минуту он уже стоял на песке, тяжело дыша и отряхиваясь, как большой мокрый пёс. По его рассечённому запястью стекала струйка крови, смешиваясь с морской водой.

— Вы в порядке? — Анна подбежала, переводя дыхание от испуга. — Вы ударились!

Мужчина поднял на неё глаза — серые, как грозовое небо перед бурей, — и вдруг улыбнулся. Такой открытой, мальчишеской, совершенно обезоруживающей улыбкой, что Анна на мгновение забыла, зачем подошла.

— Ерунда. Коралл. — Он потряс пораненной рукой, разбрызгивая алые капли. — Не стоило лезть на эту волну в полный отлив, но уж больно хороша была. Марк, кстати.

Он протянул здоровую руку и, не дожидаясь ответа, взял её холодную ладонь в свою, мокрую и солёную.

— Анна, — выдохнула она, чувствуя, как от этого рукопожатия по телу разливается странное, совершенно незнакомое тепло.

— Анна-Анна, — повторил он нараспев, задерживая её пальцы в своих чуть дольше, чем требовалось. — Пойдите-ка, а это не вас я вчера видел на обрыве? Вы рисовали закат и так сердито хмурились, будто он вас чем-то обидел.

Она невольно рассмеялась.

— Закат был ужасен. Я не могла поймать оттенок.

— Ну да, ну да. — Марк покивал с серьёзным видом, но в глазах плясали смешинки. — Оттенок. Страшное дело. Слушайте, Анна-художница, у вас тут случайно нет пластыря? А то я истекаю кровью, а вы меня отвлекаете.

В её аптечке нашёлся и пластырь, и перекись. Они устроились прямо на песке, и Анна, забыв о всяком стеснении, промывала ему рану, пока Марк, стиснув зубы, рассказывал, что приехал сюда на месяц из Москвы — «сбежал от семьи и её дурацких планов на мою жизнь». Она слушала его голос — низкий, с хрипотцой, — и чувствовала, как внутри что-то медленно распускается, словно цветок, который слишком долго держали в темноте.

Они проговорили до самого заката. А потом ещё и до рассвета. Через день Марк встретил её у храма с кокосом в руках и сказал, что отыскал самую красивую бухту на острове и что Анна обязана её увидеть. Через неделю они уже не расставались.

Их роман был похож на тропическую грозу — внезапный, всепоглощающий, смывающий все границы и запреты. Они гоняли на мопеде по извилистым горным серпантинам, так что Анна, сидя сзади, вжималась в его спину и визжала от восторга. Они плавали на рассвете в бухтах, куда можно было добраться только вплавь, и Марк доставал ей со дна диковинные ракушки, которые она потом зарисовывала. Они занимались любовью под шум тропического ливня, когда струи воды барабанили по пальмовым листьям, и время теряло всякое значение. Он читал ей вслух Кокто и Бродского, а она рисовала его — спящего, смеющегося, стоящего на доске в лучах заката — и никак не могла остановиться, потому что каждый новый портрет всё равно не передавал того света, который она видела в нём.

— Ты слишком красиво меня рисуешь, — говорил он, заглядывая через плечо. — Я на самом деле гораздо хуже.

— Неправда, — отвечала она. — Ты такой, каким я тебя вижу. Разница только в этом.

Однажды вечером, сидя на веранде их бунгало — того самого, которое они окрестили «Эдемом» и которое стало их собственным маленьким миром, — Марк вдруг стал серьёзным. Солнце уже село, небо на западе догорало малиновым и апельсиновым, а на востоке уже проступали первые звёзды. Внизу, под обрывом, размеренно дышал океан.

— Анна, я должен тебе кое-что рассказать, — начал он, и она сразу поняла, что этот разговор — не из тех, что можно отложить. — То, от чего я бежал из Москвы. Моя семья... как бы тебе объяснить. Ты слышала про «Ветров-Холдинг»?

Анна нахмурилась. Конечно, слышала. Огромная строительная империя, небоскрёбы, скандалы в прессе, миллиардные контракты.

— Мой отец — Владимир Ветров. А я его младший сын. «Золотой мальчик», наследник, будущее компании и всё такое. Только вся эта позолота давно уже стала клеткой. Отец видит во мне лишь инструмент для расширения бизнеса. А старший брат, Виктор... — Марк помрачнел и отпил из стакана холодный чай. — Виктор видит во мне угрозу. Он только и ждёт, чтобы меня либо сломать, либо убрать с дороги. Я для них не человек, Анна. Я актив.

Она придвинулась ближе, взяла его за руку, чувствуя, как напряжены его пальцы.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Потому что я люблю тебя. — Он сказал это просто, без пафоса, глядя прямо в глаза. — И потому что я не хочу возвращаться в ту жизнь. Я хочу остаться здесь. С тобой. Навсегда. У меня есть доказательства махинаций отца — то, что может разрушить империю, но зато освободит меня. Я думаю, что если я отдам это в нужные руки, они от меня отстанут. Я стану никем для них, понимаешь? Просто Марком, без фамилии, без денег, без наследства. Только ты и я. Но я должен знать... это то, чего ты хочешь?

У Анны перехватило дыхание. Она думала о том, как последние несколько недель были самыми счастливыми в её жизни. О том, как, просыпаясь рядом с ним, она впервые не чувствовала себя потерянной. О том, что никакие деньги мира не стоят одного его взгляда.

— Я хочу тебя, — прошептала она. — Любого. Хоть Марка Ветрова, хоть Марка Никому-не-нужного. Ты — мой рай. Не место, не остров, а ты.

Он порывисто притянул её к себе, зарылся лицом в её волосы.

— Тогда слушай. У меня есть план. Завтра я полечу в Джакарту, встречу там с журналистом, которому доверяю. Передам ему флешку с компроматом. А потом мы навсегда закроем эту тему. И начнём нашу жизнь с чистого листа. Я обещаю тебе, Анна.

Она не спрашивала деталей. Она просто верила ему — так же, как верила океану, солнцу и тому, что утро всегда наступает.

На следующий вечер, за день до его планируемого отлёта в Джакарту, они устроили свой собственный обряд. Ни священника, ни документов — только они двое, закатное небо в огненных разводах и шёпот волн. Марк достал откуда-то два тонких серебряных кольца — простых, без камней, купленных за копейки у резчика по серебру в Убуде.

— Это наша настоящая свадьба, — сказал он, надевая кольцо на её безымянный палец. — Никакой нотариус, никакой священник не сделают нас ближе, чем мы есть сейчас. Но я хочу, чтобы ты знала: перед лицом этого океана, под этим небом я беру тебя в жёны. И клянусь, что какой бы ад ни обрушился на нас, я всегда вернусь к тебе. Ты — мой потерянный рай, который я никогда не перестану искать.

Анна, не стыдясь слёз, надела кольцо на его палец.

— А я клянусь тебе, что буду ждать тебя из любого ада. И узнаю из тысячи. И никогда, слышишь, никогда не предаю нашей веры друг в друга.

Они поцеловались, и в этот миг солнце коснулось горизонта, вспыхнув напоследок ослепительным золотом, словно сама природа поставила печать на их обетах.

Позже, уже ночью, лёжа в гамаке под звёздами, он прошептал ей в макушку:

— Завтра утром я уеду. На два дня максимум. А когда вернусь, мы начнём всё заново. Я порву цепи прошлого, Анна. Навсегда.

Она прижалась к нему всем телом, пытаясь запомнить каждую секунду этого тепла. Где-то вдалеке кричала ночная птица. Океан вздыхал.

Она не знала тогда, что видит его в последний раз на долгие годы. Что завтрашнее утро принесёт не освобождение, а ад. Что её рай будет разрушен ещё до рассвета.

Но в ту ночь, в их «Эдеме», с кольцом на пальце и сердцем, полным любви, Анна была счастлива. Абсолютно, безгранично, навсегда.

И это счастье, как потом окажется, станет единственным светом, который поведёт её через многолетнюю тьму.

Глава 3. Пепел рая

Анна проснулась оттого, что солнечный луч скользнул по лицу — тёплый, настойчивый, пробивающийся сквозь неплотно задёрнутую бамбуковую штору. Она потянулась, улыбаясь ещё до того, как открыла глаза, и машинально протянула руку влево, туда, где должно было быть его тепло. Пальцы нащупали лишь смятую простыню, уже успевшую остыть.

— Марк?

Тишина. Только шёпот далёкого прибоя и ленивое пение птиц в кронах пальм. Анна приподнялась на локте и оглядела их маленькое бунгало. Ничего не изменилось: этюдник прислонён к плетёной стене, на столике — два пустых кокосовых бокала из-под вчерашнего сока, а на подушке рядом с ней лежит сложенный вчетверо листок бумаги. Она взяла его, и сердце трепыхнулось в груди.

«Моя Анна, не хотел будить. Вылетаю первым рейсом. Это всего два дня. Когда вернусь, начнём всё с чистого листа, как обещал. Думай о закатах. Люблю навсегда. М.»

Анна прижала записку к груди и несколько минут просто лежала, вдыхая утренний воздух, пропитанный солью и франжипанью. На душе было легко и немного тревожно — но тревожно той сладкой тревогой, что бывает перед самым большим счастьем. Два дня. Всего два дня. Она верила ему абсолютно.

Это утро она провела за мольбертом, стоя на краю обрыва. Акварель ложилась на бумагу необычайно послушно — бирюза, золото, лазурь. Она писала океан, тот самый, у которого вчера они дали друг другу клятвы. Краски наконец-то оживали, передавая и глубину, и свет. Анна смеялась про себя: Марк оказался прав, для счастья не нужно ничего, кроме любви и свободы. К полудню она спустилась к воде, окунулась, позволила волнам остудить разгорячённую солнцем кожу. Вернувшись в бунгало, она приготовила себе простой обед из фруктов и риса и устроилась в гамаке, решив, что будет ждать его возвращения, считая часы.

Она не услышала, как подъехали машины. Только когда низкий, утробный рокот моторов перекрыл стрекот цикад, Анна вздрогнула и села, свесив ноги с гамака. Так не шумели местные мопеды. Это был звук дорогих, тяжёлых внедорожников, продирающихся по разбитой просёлочной дороге к их уединённому пляжу.

Сердце сжалось от неясного предчувствия. Она встала, накинула лёгкий саронг и вышла на веранду как раз в тот момент, когда из чёрного джипа, подняв облако пыли, выбрался высокий мужчина в светлом, безукоризненно отглаженном костюме. Он был похож на Марка — те же твёрдые черты лица, тот же рост, — но жёстче, старше, со складкой у рта, выдававшей привычку повелевать. За ним из машин высыпали ещё трое — крепкие, с ничего не выражающими лицами, в одинаковых тёмных очках.

— Анна Лебедева, полагаю? — произнёс мужчина вместо приветствия, поднимаясь по ступеням. Он не спрашивал, он утверждал. Его взгляд скользнул по её босым ногам, простому саронгу, мокрым волосам — и в этом взгляде было столько презрения, словно перед ним стояла не женщина, а досадное недоразумение. — Я Виктор Ветров. Нам нужно поговорить. Немедленно.

Внутри у Анны всё похолодело. Она сразу поняла, что случилось что-то страшное. Виктор не дал ей времени на вопросы — он прошёл внутрь бунгало, будто имел на это полное право, и сел на стул, закинув ногу на ногу. Охранники остались у входа, заслонив собой дверной проём и солнечный свет.

— Где Марк? — Анна бросилась следом за ним. — Что с ним? Почему вы здесь?

Виктор медленно достал из внутреннего кармана пиджака сложенный лист бумаги и положил его на стол, разгладив ладонью. Это была распечатка новостной ленты с логотипом одного из крупных информационных агентств. Заголовок гласил: «Частный самолёт потерпел

крушение над Яванским морем. На борту находился наследник строительной империи Марк Ветров».

— Ваш курортный роман окончен, — проговорил Виктор ледяным тоном, не сводя с неё глаз. — Мой брат мёртв. Самолёт упал в океан через сорок минут после взлёта. Выживших нет. Тела пока не найдены, но эксперты не оставляют сомнений. Всё кончено.

Слова ударили её, как пули. Анна покачнулась, схватилась за край стола. Перед глазами поплыли цветные пятна, голова закружилась. Она хотела закричать, но горло перехватило, и получился только сдавленный, хриплый звук.

— Вы ждёте... этого не может быть... — Её голос сорвался на шёпот. — Он только сегодня утром... он написал мне... он должен вернуться...

— Он не вернётся. — Виктор откинулся на спинку стула и сцепил пальцы на колене. — И вам здесь больше нечего делать. Вы — никто. Просто девушка, с которой мой брат развлекся перед тем, как навсегда исчезнуть. Забудьте всё, что здесь было. Так будет лучше и для вас, и для нашей семьи.

Анна не слушала. Она схватила листок, вглядываясь в расплывающиеся строчки, пытаюсь найти опровержение. Марка Ветрова знали, его имя было в новостях — она сама когда-то читала о скандальном наследнике. Теперь оно стояло в списке жертв. Фотографии обломков, схема маршрута, комментарий представителя компании... Всё выглядело чудовищно реально.

Она подняла глаза на Виктора и увидела в них не скорбь, не горе — только холодное, расчётливое удовлетворение. И в этот миг Анна поняла, что перед ней не убитый горем брат, а охотник, который устранил угрозу.

— Это вы... — прошептала она, даже не до конца осознавая смысл собственных слов. — Вы что-то сделали. Вы его убили...

Виктор поморщился, будто от назойливой мухи.

— У вас истерика. Это естественно. Однако мне некогда. Через час у вас самолёт на Москву. Билет оплачен. Вещи соберут.

— Я никуда не полечу! — Анна выпрямилась, в ней вскипела ярость, прорываясь сквозь шок. — Я останусь здесь! Я буду ждать его!

— Вы не поняли. — Виктор медленно поднялся, поправил пиджак. — Вы не останетесь. На ваше имя уже зарегистрирован рейс. Мои люди проводят вас до аэропорта и проследят, чтобы вы сели в самолёт. И если вы думаете, что можете поднять шум или обратиться в полицию, — он сделал паузу, прожигая её взглядом, — то я бы на вашем месте хорошенько подумал о последствиях. Ваша жизнь, ваша репутация, ваши близкие — всё может обрушиться в один момент. Я не оставлю камня на камне. Вам ясно?

Анна застыла, чувствуя себя загнанным зверем. Она оглядела бунгало — их «Эдем», их убежище. Этюдник, неоконченная акварель на мольберте, саронг Марка, небрежно брошенный на стул. Она хотела схватить хотя бы что-то, хотя бы ту шкатулку с фотографиями, но охранник уже шагнул вперёд, загораживая проход.

Чьи-то сильные руки схватили её за плечи. Анна рванулась, закричала, попыталась вывернуться, но тщетно. Её потащили по ступеням вниз, к машинам. Она обернулась в последний раз и увидела, как Виктор стоит на веранде их бунгало, спиной к океану, и спокойно закуривает сигарету. Дым закрутился в золотистом воздухе, и в этот миг Анна почувствовала, как внутри неё что-то ломается — окончательно и бесповоротно.

В аэропорту её не выпускали из поля зрения до самой посадки. Она сидела у иллюминатора в салоне экономкласса, сжимая на груди тонкий хлопковый платок, который чудом остался при ней, и смотрела, как зелёные холмы Бали тают в облаках. Остров её рая исчезал, растворяясь в белой пелене, и вместе с ним исчезала та Анна, которая ещё вчера верила в вечную любовь и клятвы на закате.

Она не помнила, как прошёл перелёт. Одиннадцать часов в полусне, в полубреду. Перед глазами стояли кадры: смеющийся Марк на серфе, его голос, его руки, записка «вернусь через два дня». И лицо Виктора, спокойное, довольное. Она не плакала — в самолёте было слишком тесно, слишком душно, слишком много чужих глаз. Она просто сидела, окаменев, и смотрела в одну точку.

Москва встретила её серым, промозглым дождём. Сентябрь, который когда-то был её любимым месяцем, теперь казался бесконечным траурным маршем. Квартира — маленькая, унаследованная от бабушки — пахла пылью и одиночеством. Анна вошла, закрыла дверь, сползла по стене на пол и наконец-то дала себе волю. Она кричала до хрипоты, колотила кулаками по полу, пока пальцы не онемели. Соседи стучали в стены, но ей было всё равно.

Недели после возвращения слились в одно бесконечное серое пятно. Она почти не ела, не выходила из дома, не отвечала на звонки. Друзья, не понимая, что случилось, обижались и отдалялись. Единственным собеседником стала тишина.

А потом появились новые признаки.

Сначала — тошнота, которую Анна списывала на истощение и нервы. Затем — слабость, странное, тянущее чувство внизу живота. Она смотрела на себя в зеркало — бледная, с чёрными кругами под глазами — и не узнавала. Но мысль о беременности не приходила ей в голову до тех пор, пока однажды утром её не вывернуло наизнанку от запаха кофе, который она раньше так любила. Дрожащими руками она нашла в аптечке старый тест, оставшийся с каких-то давних времён.

Две полоски.

Анна сидела на холодном кафеле ванной и смотрела на пластиковую палочку, не в силах осознать. Внутри неё — его ребёнок. Частичка Марка, которая каким-то чудом пережила весь этот ад. Их дитя. Их продолжение.

Впервые за долгие недели она заплакала — но это были не горькие слёзы. Это были слёзы надежды. Значит, не всё потеряно. Значит, есть ради чего жить. Она положила ладонь на живот и прошептала:

— Я спасу тебя. Я спасу тебя, несмотря ни на что. Ты — его подарок. Ты — мой свет.

С этого дня Анна попыталась взять себя в руки. Она заставляла себя есть, выходить на короткие прогулки, дышать. Купила книги для будущих мам, записалась к врачу. Тот, посмотрев её анализы, нахмурился и сказал, что организм истощён, что нервное перенапряжение колоссально, но сердцебиение плода пока прослушивается. Нужен покой. Полный покой.

Но покоя не было.

Ночами ей снились кошмары. Падающий самолёт, крик Марка, лицо Виктора. Она просыпалась в холодном поту, хватая ртом воздух, и чувствовала, как тело содрогается от беззвучных рыданий. Днём её преследовали мысли о том, как жить дальше, как растить ребёнка одной, без гроша, с разбитым сердцем. Она пробовала рисовать — но стоило взять в руки кисть, как перед глазами вставал океан, и пальцы сводило судорогой. Всё, что она любила, стало источником боли.

На десятой неделе случилось то, чего она боялась больше всего.

Проснувшись утром, она почувствовала резкую, скручивающую боль внизу живота. Сначала терпимую, потом — невыносимую. Анна скорчилась на кровати, обхватив себя руками, и увидела кровь. Алую, яркую, пропитывающую простыни. Она закричала от ужаса, попыталась дотянуться до телефона, но пальцы не слушались. Скорая, сирена, носилки, белые стены больницы, лица врачей — всё смешалось в один сплошной кошмар.

Она очнулась в палате. Было тихо. Только где-то далеко капала вода из крана да мерно пищал кардиомонитор. Анна повернула голову и увидела рядом молодую медсестру, которая что-то записывала в планшет.

— Мой ребёнок... — прошептала Анна пересохшими губами. — Что с ним?

Медсестра опустила глаза. И Анна всё поняла.

В тот момент мир рухнул окончательно.

Не было больше ничего — ни солнца, ни надежды, ни будущего. Только белый потолок больничной палаты, запах лекарств и бездонная, чёрная пустота внутри. Её Эдем, который она носила под сердцем, превратился в пепел. Марк исчез. Ребёнок — крошечная, невинная душа, зачатая в раю под шёпот волн, — ушёл следом за отцом.

Анна выписалась через несколько дней. Лера, которую разыскала общая знакомая, приехала за ней в больницу — молчаливая, шокированная. В машине она держала Анну за руку, не задавая вопросов. Дома, в той же квартире, где началась и закончилась её надежда, Анна убрала в дальний ящик все фотографии, кольцо, записку. С глаз долой — из сердца вон. По крайней мере, она пыталась.

Она прожила так пять лет. Внешне — нормально. Выставки, ученики, редкие улыбки сквозь силу. Внутри — выжженная земля. Она рисовала рай, который потеряла, и каждый мазок был молитвой о том, чтобы однажды проснуться и забыть. Но память не отпускала. А пепел всё ещё хранил тепло.

И она не знала, что настоящий огонь ещё только предстоит разжечь.

Глава 4. Танец с двойником

Бессонная ночь оставила на лице Анны серые тени под глазами и странное, звенящее ощущение ясности. Она сидела на кухне, обхватив ладонями горячую кружку с давно остывшим чаем, и смотрела на экран ноутбука. За окном занимался хмурый октябрьский рассвет, но она не замечала ни света, ни времени. Перед ней была открыта страница архитектурного бюро «Voronov Architects» — минималистичный, дорогой сайт с портфолио из стекла и бетона, — а на мониторе светилась фотография человека, укравшего её покой.

Максим Воронов. Восходящая звезда. Автор резонансных проектов, лауреат премий. Биография — короткая, сухая, словно списанная с резюме: родился в Санкт-Петербурге, учился в Милане, стажировался в Токио. О личной жизни — ни слова. Никаких упоминаний о семье, никаких фотографий с отдыха. Только деловые портреты: пиджак, галстук, лёгкая надменная улыбка. И глаза. Те самые серые глаза, которые она помнила каждой клеточкой своего тела.

Анна прокрутила страницу вниз, изучая хронику его появления в публичном поле. Первое упоминание — пять лет назад. Благотворительный аукцион, где он представлял свой дипломный проект. Потом — череда заказов, стремительный взлёт. Ни единого снимка раньше этого срока. Словно до того дня Максима Воронова не существовало вовсе.

Она откинулась на спинку стула и прикрыла глаза. Пять лет. Именно столько прошло с того дня, когда самолёт Марка рухнул в Яванское море. И ровно пять лет назад в Москве возник никому не известный архитектор, как две капли воды похожий на погибшего наследника. Совпадение? Анна больше не верила в совпадения.

Пальцы сами собой потянулись к телефону. Она нашла номер бюро Воронова — тот самый, что был указан на сайте, — и несколько минут гипнотизировала экран, прежде чем нажать кнопку вызова. Сердце колотилось где-то в горле.

— «Voronov Architects», доброе утро. Чем могу помочь? — пропел в трубке мелодичный женский голос.

Анна кашлянула, пытаясь придать голосу уверенность.

— Здравствуйте. Меня зовут Анна Лебедева. Я художница, у меня была выставка в «Палладиуме» на днях. Господин Воронов был среди гостей. Я хотела бы обсудить возможное сотрудничество — оформление интерьеров в одном из моих проектов. Могу я записаться на консультацию?

Пауза. Щелчок клавиатуры.

— Господин Воронов принимает по предварительной записи. Вас устроит четверг, три часа дня?

— Вполне.

Анна положила трубку и медленно выдохнула. Она понятия не имела, что скажет ему при встрече. Но ей нужно было увидеть его снова. Рассмотреть. Вблизи. Так, как не позволила суета вернисажа.

В оставшиеся до четверга дни она едва находила себе место. Пыталась работать — но кисти валились из рук. Выходила на прогулки — но каждая пара в парке, каждый смеющийся мужчина заставляли её сердце сжиматься в болезненном спазме. Она перебирала старые фото, вглядывалась в лицо Марка, а потом снова открывала сайт «Voronov Architects» и сравнивала. Подбородок. Скулы. Форма ушей. Всё совпадало до мельчайших деталей. Но что, если она действительно сходит с ума? Что, если её мозг, изголодавшийся по любви, выстроил мост между случайным сходством и отчаянной надеждой?

К четвергу Анна извелась до предела, но когда вошла в стеклянные двери бизнес-центра «Романов двор», её лицо было спокойным, а шаг — уверенным. Она надела строгое чёрное

платье, собрала волосы в низкий пучок и вооружилась папкой с эскизами, чтобы выглядеть убедительно. Лифт бесшумно вознёс её на четырнадцатый этаж. Двери открылись в просторный холл, залитый холодным дневным светом. На ресепшене сидела та самая секретарша с мелодичным голосом.

— Анна Лебедева? Присядьте, пожалуйста. Максим Викторович освободится через минуту.

Анна опустилась в кресло, но сидеть спокойно не могла. Она огляделась: бетон, стекло, хромированные детали. Никаких картин на стенах, только гигантский макет какого-то футуристического комплекса под стеклянным колпаком. Стильно, дорого и совершенно бездушно. Марк когда-то мечтал строить живые, тёплые дома, вписанные в ландшафт, а не давящие стеклянные коробки. Но Марк был архитектором лишь в душе, а этот человек сделал архитектуру своей жизнью.

Дверь кабинета открылась, и оттуда вышел седовласый мужчина с портфелем — видимо, клиент. Секретарша кивнула Анне.

— Проходите.

Анна поднялась на ватных ногах и переступила порог. Кабинет был огромным, с панорамным окном во всю стену, за которым раскинулась Москва — бескрайняя, суетливая, равнодушная. Максим Воронов стоял у стола, спиной к двери, перебирая какие-то чертежи. Когда он обернулся, у Анны перехватило дыхание.

Он был точно таким же, как на вернисаже, — собранным, холодным, безупречным. Но теперь, в дневном свете, она видела мельчайшие детали, которые упустила в полумраке галереи. Лёгкая сеточка морщин у глаз, которой не было шесть лет назад. Усталость, затаившаяся в уголках рта. И седые нити, едва заметно проблёскивающие в тёмных волосах на висках. Это был Марк, проживший несколько трудных лет. Марк, который стал старше, жёстче, чужим.

— Анна? — Он кивнул на стул напротив и сел сам, поправив очки в тонкой металлической оправе. Анна вздрогнула: Марк никогда не носил очков, но жест, которым он поправил их — поверху, кончиками указательного и большого пальцев, — был тем самым, до боли знакомым. Когда-то он так же поправлял солнцезащитные очки, читая ей вслух на пляже. — Слушаю вас. Какие у вас предложения?

Анна открыла папку, разложила на столе эскизы. Её пальцы слегка дрожали, но голос звучал ровно.

— Я работаю над серией интерьерных панно для частного особняка в Подмоскowie. Архитектор проекта — ваш коллега, он рекомендовал обратиться к вам за консультацией по стилистике. Я подумала, что ваше бюро могло бы курировать визуальную концепцию.

Максим взял один из листов и, чуть прищурившись, принялся изучать. Анна следила за каждым его движением. Вот он склонил голову чуть вправо — точно так же, как тогда, разглядывая её акварели на веранде бунгало. Вот он провёл пальцем по линии горизонта на рисунке и едва заметно кивнул собственным мыслям. Она знала этот жест. Знала эту манеру хмуриться, чуть сдвигая брови. Знала этот наклон плеч. Всё внутри кричало: «Это он! Он!»

— Неплохо, — произнёс он наконец, возвращая лист. — Но для особняка в классическом стиле ваши цветовые решения слишком агрессивны. Я бы посоветовал приглушить палитру. Однако мне нужно видеть помещение, чтобы давать конкретные рекомендации.

Он говорил сухо, профессионально. Его взгляд скользил по её лицу без тени узнавания. Анна вдруг поняла, что если она сейчас не сделает хоть что-то, не попытается пробить эту броню, то сойдёт с ума окончательно.

— У вас очень знакомые жесты, — сказала она тихо, глядя ему прямо в глаза. — Я могла бы поклясться, что уже видела вас раньше. Не на вернисаже. Гораздо раньше.

Максим замер на секунду. Его зрачки чуть расширились, но лицо осталось непроницаемым.

— Мир тесен, — ответил он ровно. — Возможно, мы пересекались где-то. Я много езжу.

— Возможно, — Анна не отводила взгляда. — Но я говорю не о мимолётной встрече. У вас есть привычка поправлять очки большим и указательным пальцами. И наклонять голову вправо, когда вы сосредоточены. И ещё — вы постукиваете пальцами по столу, когда ждёте. Вот, как сейчас.

Она указала взглядом на его левую руку. Максим опустил глаза и увидел, что его пальцы действительно выбивают на столешнице бесшумную дробь. Он резко одёрнул руку, и на мгновение в его глазах промелькнуло что-то — не узнавание, нет, но тень раздражения, смешанного с тревогой.

— Вы, кажется, увлекаетесь психологией, — холодно заметил он. — Но у нас деловая встреча. Вернёмся к эскизам.

Остаток консультации прошёл как в тумане. Анна механически кивала, задавала дежурные вопросы, а сама не сводила с него глаз, запоминая каждую чёрточку. Родинки за ухом она так и не увидела — волосы были зачёсаны назад, но мочку уха скрывала тень. Зато она заметила другое: манжету его рубашки, плотно застёгнутую на запястье. Там, где у Марка должен был быть шрам.

Когда она вышла из кабинета, её трясло. Эмоции — надежда, страх, гнев, отчаяние — смешались в гремучий коктейль. Она почти бежала к лифту, судорожно соображая, что делать дальше. Просто поговорить с ним было недостаточно. Чтобы доказать — в первую очередь самой себе, — что это действительно Марк, ей нужно увидеть родинку. И для этого требовался другой план.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.